

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
-------------------	---

I. ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЛЕКСА

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	15
2. СЕМЬЯ ПРИ ОТЦОВСКОМ ПРАВЕ И МАТЕРИНСКОМ ПРАВЕ	20
3. ПЕРВЫЙ ЭТАП СЕМЕЙНОЙ ДРАМЫ	27
4. ОТЦОВСТВО ПРИ МАТЕРИНСКОМ ПРАВЕ	32
5. ДЕТСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ	38
6. ПЕРИОД УЧЕНИЧЕСТВА	43
7. СЕКСУАЛЬНОСТЬ НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ ДЕТСТВА	49
8. ПУБЕРТАТНЫЙ ПЕРИОД	56
9. МАТРИЛИНЕЙНЫЙ КОМПЛЕКС	67

II. ЗЕРКАЛО ТРАДИЦИИ

1. КОМПЛЕКС И МИФ ПРИ МАТЕРИНСКОМ ПРАВЕ	75
2. БОЛЕЗНИ И ПЕРВЕРСИИ	76
3. СНЫ И ДЕЙСТВИЯ	80
4. СКВЕРНОСЛОВИЕ И МИФ	89

III. ПСИХОАНАЛИЗ И АНТРОПОЛОГИЯ

1. РАЗРЫВ МЕЖДУ ПСИХОАНАЛИЗОМ И СОЦИОЛОГИЕЙ	113
2. «ВЫТЕСНЕННЫЙ КОМПЛЕКС»	117

3. «ПЕРВОПРИЧИНА КУЛЬТУРЫ»	121
4. ПОСЛЕДСТВИЯ ОТЦЕУБИЙСТВА	126
5. АНАЛИЗ ПЕРВОБЫТНОГО ОТЦЕУБИЙСТВА	129
6. КОМПЛЕКС ИЛИ СЕНТИМЕНТ?	140

IV. ИНСТИНКТ И КУЛЬТУРА

1. ПЕРЕХОД ОТ ПРИРОДЫ К КУЛЬТУРЕ . . .	145
2. СЕМЬЯ КАК КОЛЫБЕЛЬ ЗАРОЖДАЮЩЕЙСЯ КУЛЬТУРЫ	148
3. ГОН И СПАРИВАНИЕ У ЛЮДЕЙ И ЖИВОТНЫХ	156
4. БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	162
5. РОДИТЕЛЬСКАЯ ЛЮБОВЬ	166
6. УСТОЙЧИВОСТЬ СЕМЕЙНЫХ УЗ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ	174
7. ПЛАСТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ИНСТИНКТОВ	179
8. ОТ ИНСТИНКТА К СЕНТИМЕНТУ	181
9. МАТЕРИНСТВО И СОБЛАЗН ИНЦЕСТА	192
10. ВЛАСТЬ И ВЫТЕСНЕНИЕ	199
11. ОТЦОВСКОЕ ПРАВО И МАТЕРИНСКОЕ ПРАВО	206
12. КУЛЬТУРА И «КОМПЛЕКС»	214

МОЕМУ ДРУГУ
ПАУЛИЮ КУНЕРУ

*Новая Гвинея, 1914,
Австралия, 1918,
Южный Тироль, 1922*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Психоанализ за последние десять лет приобрел невероятную популярность. Он оказывает все большее влияние на современную литературу, науку и искусство. Одно время это было буквально повальное увлечение. И многих глупцов это впечатлило, а многих педантов шокировало и отпугнуло. Автор настоящего труда, несомненно, относится к первым, поскольку в свое время был совершенно очарован теориями Фрейда и Риверса, Юнга и Джонса. Но педантизм всегда останется главной страстью ученого, и последующая рефлексия вскоре охладила первоначальный пыл.

Внимательный читатель может проследить этот процесс во всех его нюансах по этой небольшой книге. Однако я не хочу создать впечатление драматического *volte-face*¹. Я никогда и ни в каком смысле не был приверженцем практики или теории психоанализа; и все-таки, несмотря на чрезмерность притязаний, хаотичность аргументации и нечеткость терминологии психоанализа, я должен признать, что он послужил для меня незаменимым источником вдохновения и ценных указаний относительно определенных аспектов человеческой психологии.

Психоанализ погрузил нас в динамическую теорию сознания, придал практический характер изучению психических процессов, заставил сосредоточиться на детской психологии и истории отдельного человека. Наконец, он выявил скрытые, непризнанные стороны человеческой жизни.

Открытое обсуждение секса, различных постыдных, скверных и тщеславных человеческих проявлений — то, за что психоанализ более всего осуждают и бранят, — на мой взгляд, имеет наибольшую ценность для науки и должно быть с благодарностью принято

¹ Резкая перемена (*фр.*). — *Примеч. пер.*

исследователем человека в том случае, если он хочет изучать свой предмет свободно, без всяких помех и фиговых листков. Как ученик и последователь Хэвлока Эллиса я, например, не стал бы обвинять Фрейда в «пансексуализме» — хотя и в корне не согласен с его пониманием сексуального импульса. Но я и не намерен соглашаться с его взглядами против своей воли, с ханжеским благочестием отмыв руки от грязи, которой они покрыты. Человек — это животное; в этом качестве он бывает временами нечист, и честный антрополог не может отрицать этот факт. Претензия ученого к психоанализу заключается не в том, что психоанализ рассуждает о сексуальности в открытую и во всех подробностях, но в том, что рассуждает он о ней неверно.

Что касается непростой истории настоящего издания, первые две части были написаны намного раньше остальных. Многие изложенные там идеи были сформулированы, когда я изучал жизнь меланезийских общин на коралловом архипелаге. Замечания моего друга профессора Ч.Г. Селигмана и литература, которой он меня любезно снабдил, побудили меня задуматься о том, каким образом в обществе, основанном на материнском праве, могли появиться Эдипов комплекс и другие проявления «бессознательного». Непосредственные наблюдения над устройством матрилинейного комплекса у меланезийцев, насколько мне известно, являются первым случаем применения теории психоанализа к изучению примитивной жизни и как таковые могут представлять интерес для исследователей человека, его сознания и культуры. Мои выводы изложены в терминах более психоаналитических, чем мне бы того хотелось. Но даже и при этом я обхожусь в основном такими словами, как «комплекс» и «вытеснение», и использую их в совершенно определенном и эмпирическом смысле.

Продолжая читать работы Фрейда, я обнаружил, что все менее и менее склонен безоговорочно прини-

мать его выводы, не говоря уж о тех выводах, к которым приходят каждый отдельный вид и подвид психоанализа. Как антрополог я совершенно убежден в том, что амбициозные теории, касающиеся диких племен, гипотезы возникновения человеческих институтов и истории культуры, должны основываться на достоверном знании примитивной жизни, а также сознательных и бессознательных аспектов человеческого разума. В конце концов, групповой брак, тотемизм, избегание тещи или свекрови, а также магия происходят отнюдь не в «бессознательном»; все они — неопровержимые социологические и культурные факты, и для их теоретического обобщения требуется такой опыт, который нельзя приобрести в кабинете психоаналитика. В том, что мои опасения оправданны, я убедился, внимательно изучив «Тотем и табу», «Психологию масс и анализ человеческого “Я”» Фрейда, «Австралийский тотемизм» Рохейма и антропологические работы Рейка, Ранка и Джонса. Мои выводы обосновываются в третьей части этой книги.

В последней части книги я попытался изложить свои вытекающие из эмпирических наблюдений представления о происхождении культуры. Я в общих чертах описываю изменения, которые должна была претерпеть животная природа людей под воздействием аномальных условий культуры. Прежде всего я стремлюсь показать, что вытеснение сексуального инстинкта и определенного рода «комплекс» должны были появиться как своеобразный психический побочный продукт создания культуры.

Последняя часть книги — об инстинкте и культуре, является, на мой взгляд, наиболее важной и в то же время наиболее спорной. Это первая в своем роде работа, по крайней мере, с антропологической точки зрения: попытка освоения «ничейной территории» — промежуточной области между наукой о человеке и наукой о животных. Конечно, большинство моих аргументов нужно будет пересмотреть, но я полагаю,

что благодаря им были поставлены важные вопросы, которые рано или поздно должны быть проанализированы биологами, зоопсихологами, а также исследователями культуры.

Что касается зоопсихологии и биологии, тут мне пришлось ограничиться самым общим кругом чтения. Я опирался в основном на работы Дарвина и Хэвлока Эллиса; профессоров Ллойда Моргана, Херрика и Торндайка; д-ра Хипа, д-ра Келера и г-на Пайкрофта, а также на сведения, которые можно найти в социологических книгах Вестермарка, Хобхауса, Эспинаса и др. Я не даю подробных ссылок в этой работе и хотел бы здесь подчеркнуть, сколь многим обязан работам профессора Ллойда Моргана, чья концепция инстинкта представляется мне наиболее адекватной и чьи наблюдения я нашел наиболее полезными. Я слишком поздно обнаружил, что вкладываю несколько иной смысл в термины *инстинкт* и *привычка*, нежели профессор Ллойд Морган, и что то же касается и наших с ним представлений о *пластичности инстинктов*. Я не думаю, что это предполагает серьезное расхождение мнений. Я также полагаю, что культура открывает новое измерение пластичности инстинктов и что зоопсихологу будет полезно познакомиться с вкладом антрополога в эту проблему.

Я выражаю признательность за вдохновение и помощь в подготовке книги моим друзьям г-же Бренде З. Селигман (Оксфорд); д-ру Р.Х. Лоуи и профессору Креберу из Калифорнийского университета; г-ну Фертю (Новая Зеландия); д-ру В.А. Уайту (Вашингтон) и д-ру Г.С. Салливану (Балтимор); профессору Херрику из Чикагского университета и д-ру Гинзбергу из Лондонской школы экономики; д-ру Дж.В. Гамильтону и д-ру С.Е. Джеллиффу (Нью-Йорк); д-ру Э. Миллеру (клиника Харли-стрит); г-ну и г-же Хайме де Ангуло (Беркли, Калифорния) и г-ну Ч.К. Огдену (Кембридж); профессору Радклифф-Брауну (Кейптаун и Сидней) и г-ну Лоренсу К. Франку (Нью-Йорк). Полевые ис-

следования, которые легли в основу этой книги, стали возможны благодаря щедрости г-на Роберта Монда.

Компетентная критика моего друга Пауля Кунера из Вены, которому посвящена эта книга, позволила мне яснее сформулировать мои идеи по данному предмету и по многим другим.

Б. М.

*Кафедра антропологии
Лондонской школы экономики,
февраль 1927 г.*

После долгого пренебрежения импульсами в пользу ощущений современная психология начинает инвентаризацию и описание инстинктивных видов деятельности. Это, бесспорно, положительное явление. Но когда она пытается объяснить сложные события в личной и общественной жизни путем прямой отсылки к этим природным силам, объяснение становится туманным и надуманным...

Прежде чем говорить о психологическом элементе в обществе, нужно понять, какие именно социальные условия преобразовали первоначальную деятельность в четко выраженные и значимые обычаи. В этом состоит подлинное значение социальной психологии... Человеческая природа поставляет сырье, но обычай определяет структуру и устройство... Человек привержен привычке, а не разуму или инстинкту.

Психоаналитическое понимание секса наиболее поучительно, потому что оно со всей очевидностью демонстрирует нам, к чему приводит искусственное упрощение социальных следствий и преобразование их в психические причины. Писатели, обычно мужчины, рассуждают о психологии женщин так, словно имеют дело с платоновской универсальной сущностью... Явления, представляющие собой типичные признаки современной западной цивилизации, они трактуют так, как если бы те с неизбежностью вытекали из неизменных естественных импульсов человеческой природы...

ДЖОН ДЬЮИ

*«Человеческая природа
и поведение»*

1. *Формирование комплекса*

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Психоанализ зародился в медицинской практике, и его теории имеют главным образом психологическую природу, но он также тесно связан с двумя другими отраслями знания — биологией и социологией. Возможно, одна из главных заслуг психоанализа — образование еще одной связи между этими тремя разделами науки о человеке. Психологические взгляды Фрейда — его теории конфликта, вытеснения, бессознательного, формирования комплексов — образуют наиболее разработанную, собственно психоаналитическую, часть его учения. Биологическая доктрина — представления о сексуальности в ее соотношении с другими инстинктами, концепт «либидо» и различных его трансформаций — является наименее разработанным и наиболее противоречивым разделом теории, чаще всего подвергающимся критике, отчасти необоснованной, отчасти справедливой. Социологический аспект, интересующий нас прежде всего, заслуживает большего внимания. Любопытно, что, хотя социология и антропология послужили основным источником фактического материала для психоанализа и хотя учение об Эдиповом комплексе имеет, очевидно, социологический аспект, этот аспект получил наименьшее развитие.

Теория психоанализа — это, в сущности, теория влияния семейной жизни на психику человека. Нам показывают, как сильные эмоции, стрессы и конфликты ребенка с отцом, матерью, братом и сестрой формируют по отношению к ним определенные устойчи-

вые психические установки, или сентименты, которые, отчасти сохраняясь в памяти, отчасти в бессознательном, влияют на дальнейшую жизнь человека в обществе. Я употребляю здесь слово *сентимент* в том особом значении, которое сообщает ему теория эмоций и инстинктов А.Ф. Шанда со всеми подразумеваемыми ею важными смысловыми оттенками.

Социологическая природа этого учения очевидна: вся фрейдистская драма разыгрывается в пределах социальной организации определенного типа, в узком кругу семьи, состоящей из отца, матери и детей. Таким образом, *семейный комплекс*, — по мнению Фрейда, важнейший психологический факт, — обусловлен воздействием определенной социальной группировки на человеческое сознание. Опять же, психический отпечаток, возникший в ранние годы, оказывает влияние на дальнейшую социальную жизнь человека в том смысле, что предрасполагает его к образованию определенных связей, формирует рецептивные установки и творческий потенциал в области традиции, искусства, знания и религии.

Итак, на взгляд социолога, к психологической трактовке комплекса необходимо добавить две социологические главы: введение, где бы описывалась социологическая природа влияния семьи, и эпилог, в котором содержится анализ значения комплекса для общества. Отсюда для социолога вытекают две проблемы.

Первая проблема. Если семейная жизнь имеет столь судьбоносное значение для человеческой психики, ее характер заслуживает большего внимания, поскольку ясно, что в каждом общественном строе — своя *семья*. Ее устройство значительно варьируется в зависимости от уровня развития и характера цивилизации, и она по-разному выглядит в различных стратах одного и того же общества.

Согласно теориям, до сих пор не утратившим своей актуальности среди антропологов, семья чрезвычайно изменилась в ходе развития человечества: от первой

промискуитетной формы, основанной на сексуальном и экономическом коммунизме, через «групповую семью», основанную на «групповом браке», «кровнородственную семью», основанную на «пуналуальном браке», *Grossfamilie*¹ и клановое родство к итоговой форме — современной индивидуальной семье, основанной на моногамном браке и *patria potestas*². Помимо таких антропологических построений, в которых нехватка фактов сочетается с избытком теории, мы располагаем непосредственными наблюдениями за жизнью современных диких племен, также свидетельствующими о множестве вариантов устройства семьи. Различия зависят от того, каким образом распределяется *власть*: будучи в той или иной степени закрепленной за отцом, она порождает различные формы патриархата; будучи закрепленной за матерью — различные подвиды материнского права. Значительно различаются способы счета происхождения и наследования — матрилинейность вследствие незнания отца и патрилинейность, несмотря на это незнание; патрилинейность, вследствие обладания властью и патрилинейность по экономическим причинам. Кроме того, устройство семьи среди различных рас и народов зависит от особенностей расселения, жилищных условий, источников пищи, разделения труда и т.д.

Следовательно, возникает проблема: меняются ли вместе с устройством семьи конфликты, страсти и привязанности или они одни и те же для всего человечества? Если они меняются, как это в действительности и происходит, то нуклеарный семейный комплекс также не может быть константой для всех человеческих рас и народов; он должен варьироваться в зависимости от устройства семьи. Главная задача теории психоанализа, таким образом, заключается в изуче-

¹ Большая семья (нем.) — состоящая из трех и более поколений. — *Примеч. пер.*

² Отцовская власть (лат.). — *Примеч. пер.*

нии пределов варьирования, разработке адекватной формулы и, наконец, в исследовании исключительных видов устройства семьи и определении соответствующих форм нуклеарного комплекса.

Пожалуй, за одним только исключением³, эта проблема прежде не ставилась — во всяком случае, в отчетливом виде. Единственный комплекс, признающийся школой Фрейда и считающийся ее представителями универсальным — я имею в виду Эдипов комплекс — соответствует по преимуществу нашей патрилинейной арийской семье с сильной *patria potestas*, за которой стоят римское право, христианская мораль и современные экономические условия жизни зажиточной буржуазии. Тем не менее предполагается, что этот комплекс существует в каждом примитивном или варварском обществе. Конечно, это не так, и детальное рассмотрение первой проблемы покажет нам, насколько это допущение неверно.

Вторая проблема. Какова природа влияния семейного комплекса на формирование мифа, предания и сказки, на определенные дикарские и варварские обычаи, виды социальной организации и достижения материальной культуры? Существование этой проблемы, безусловно, признано авторами-психоаналитиками, применяющими принципы психоанализа к изучению мифа, религии и культуры. Но теория о влиянии семьи на культуру и общество посредством семейного комплекса не была проработана должным образом. Большая часть представлений, имеющих отношение ко второй проблеме, требует тщательного пересмотра с социологической точки зрения. С другой стороны,

³ Я говорю о работе Дж.К. Флюгеля «Психоаналитическое исследование семьи» (*Flügel J.C. The Psycho-Analytic Study of the Family*), которая хотя и написана психологом, во всех отношениях ориентирована в социологическом направлении. В последних главах, особенно в XV и XVII, представлен, в сущности, подход к решению настоящей проблемы, хотя автор и не формулирует ее явным образом.

конкретные решения актуальных мифологических проблем, предложенные Фрейдом, Ранком и Джонсом, намного убедительнее, чем их общий принцип, что «миф — это извечный сон расы».

Психоанализ, подчеркивая, что интерес примитивного человека сосредоточен на нем самом и людях вокруг него и имеет конкретную и динамическую природу, стал правильным основанием для психологии примитивного общества, в которой до этого часто господствовали ложные представления о бесстрастном отношении человека к природе и склонности к философским размышлениям о своем уделе. Но игнорирование первой проблемы и молчаливое допущение, что Эдипов комплекс существует во всех типах общества, привели к тому, что в антропологические работы психоаналитиков закрались определенные ошибки. Таким образом, они не могут получить правильные результаты, когда пытаются проследить Эдипов комплекс, преимущественно патриархальный по своему характеру, в матрилинейном обществе; или легкомысленно выдвигают гипотезы группового брака или промискуитета, как если бы не требовалась особая осторожность при разговоре об условиях, совершенно отличных от условий нашей семьи, какой она предстает в практике психоанализа. Усугубляя эти противоречия, психоаналитик, занимающийся антропологией, выдвигает гипотетическое предположение об определенном типе первобытной орды или о доисторическом прообразе тотемического жертвоприношения или о сновидческом характере мифа, обычно совершенно несовместимое с фундаментальными принципами самого психоанализа.

Первая часть настоящей работы представляет собой, в сущности, попытку на основании результатов непосредственного наблюдения за жизнью диких племен проанализировать первую проблему — зависимость нуклеарного комплекса от устройства семьи. Рассмотрение второй проблемы будет предпринято во

второй части, а в последних двух частях те же вопросы обсуждаются в целом.

2. СЕМЬЯ ПРИ ОТЦОВСКОМ ПРАВЕ И МАТЕРИНСКОМ ПРАВЕ

Лучший способ рассмотреть первую проблему — как устройство семьи в том или ином обществе влияет на особенности «семейного комплекса» — подойти к вопросу эмпирически, проследить формирование комплекса в жизни типичной семьи и в случае, если речь идет о различных цивилизациях, провести сравнительный анализ. Я не предлагаю здесь исследовать все формы семьи, но намерен сравнить подробно два типа, известные мне по личным наблюдениям: патрилинейную семью в современной цивилизации и матрилинейную семью некоторых островных сообществ в Северо-Западной Меланезии. Однако эти два случая представляют собой, пожалуй, наиболее радикально различающиеся типы семьи среди всех известных социологам и тем самым вполне отвечают нашей цели.

Опишем в нескольких словах жителей Тробрианских островов Северо-Восточной Новой Гвинеи (или Северо-Западной Меланезии), чья культура, наряду с нашей собственной, будет предметом нашего анализа.

Эти туземцы матрилинейны, т.е. их общественный строй предполагает счет родства только по матери, и счет происхождения и наследования ведется по женской линии. Это значит, что мальчик или девочка принадлежат к семье, клану и общине матери: мальчик наследует титулы и социальное положение брата матери, и имущество переходит к ребенку не от отца, а от дяди по матери или тети по матери соответственно.

Все мужчины и женщины на Тробрианских островах со временем обзаводятся семьей — после периода детских сексуальных игр, сменяющегося ничем не стесняемой свободой в юности и затем более постоян-

ной совместной жизнью влюбленных в «холостяцком доме», который они делят с двумя или тремя другими парами. Брак — обычно моногамный, за исключением вождей, имеющих по несколько жен, — это стабильный союз, подразумевающий сексуальную исключительность, совместное экономическое существование и независимое домашнее хозяйство.

На первый, поверхностный взгляд может показаться, что это в точности такой же брак, какой принят у нас. Однако в действительности он совершенно иной. Во-первых, муж не считается отцом детей в обычном для нас смысле; согласно представлениям туземцев, которым неведома идея физического отцовства, он не имеет никакого отношения к их рождению с физиологической точки зрения. Дети, по туземным поверьям, это крошечные духи, помещаемые в лоно матери, как правило, через посредство духа ее покойной кровной родственницы⁴. Муж должен защищать детей и заботиться о них, «принять их в свои объятия», когда они рождаются, но они — не «его» дети в том смысле, что он участвовал в их зачатии.

Таким образом, отец — это любимый, доброжелательный друг, но не признанный официально кровный родственник детей. Он — посторонний человек, пользующийся авторитетом благодаря личным отношениям с ребенком, а не социальному положению в роду. Кровное родство, т.е. тождество материи, «та же плоть», связывает ребенка только с матерью. Власть над детьми принадлежит брату матери. Согласно строгому табу, запрещающему любые дружеские отношения между братьями и сестрами, он не может быть близок с матерью и, следовательно, с ее семейством. Она признает его власть и склоняется перед ним, как простой

⁴ См. мои работы: «Отец в примитивной психологии» (*The Father in Primitive Psychology* // *Psyche Miniatures*. 1927) и «Баломы — духи мертвых» (*Малиновский Б. Баломы: духи мертвых на Тробрианских островах* // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004).

человек склоняется перед вождем, но между ними не может быть нежных отношений. Ее дети при этом — его единственные наследники и потомки, и он обладает над ними непосредственной властью. После его смерти его собственность переходит к ним, и в течение своей жизни он должен передать им все особые умения, которыми владеет, — танцы, песни, мифы, магию и ремесла. Он также кормит сестру и ее семью, большая часть того, что выращивается в его саду, идет им. Итак, от отца дети ждут только любящей заботы и нежной дружбы. Брат их матери олицетворяет собой принцип дисциплины, авторитета и исполнительной власти в семье⁵.

Жена относится к мужу отнюдь не подобострастно. У нее есть свое имущество и своя собственная сфера влияния, частная и общественная. Дети никогда не видят, чтобы отец грубо обращался с матерью. В то же время отец только отчасти является кормильцем семьи и главным образом должен работать на своих сестер, и мальчики знают, что, когда вырастут, должны будут в свою очередь работать на своих сестер.

Брак ориентирован на отца: жена переходит в дом и общину мужа, если происходит из другой, как это обычно бывает. Дети, следовательно, растут в общине, официально им чуждой, не имея ни права на землю, ни законного права гордиться своей деревней; их дом, имущество, малая родина, родовая гордость относятся к другому месту. Это двоякое влияние порождает странные сочетания и путаницу.

⁵ Описание необычного экономического устройства этих туземцев вы найдете в моей статье «Примитивная экономика» (*Primitive Economics // Economic Journal*. 1921) и книге «Аргонавты западной части Тихого океана», гл. II и VI (*Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004*).

Правовое устройство исчерпывающе описано в моей книге «Преступление и обычай в обществе дикарей» (1926 г.) (*Малиновский Б. Преступление и обычай в обществе дикарей // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004*).

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru